

Максим Горький

Дети

Annotation

Впервые напечатано в журнале «Современный мир», 1910, номер 9, сентябрь, под заглавием «Встреча», с подзаголовком «Пьеса», и одновременно отдельной книгой под названием «Дети», с подзаголовком «Комедия в одном действии», в издательстве И. П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания).

Пьеса написана М. Горьким не позднее лета 1910 года.

В ноябре 1910 года М. Горький писал М. М. Коцюбинскому: «Посылаю Вам на память «Встречу» – может, читая, улыбнётесь разок» (*Архив А. М. Горького*).

Начиная с 1923 года, пьеса включалась во все собрания сочинений.

Печатается по машинописному тексту, подготовленному автором в 1910 году для издательства И. П. Ладыжникова (*Архив А. М. Горького*).

- [Максим Горький](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Максим Горький

Дети

Действующие лица

Князь Свирь-Мокшанский – человек неопределённого возраста, лысоватый, хилый.

Бубенгоф – солиден, держится завоевателем.

Мокей Зобнин – лет пятидесяти, вертляв, боек и мечтателен.

Иван Кичкин – стар, тучен и нездоров.

Пётр Типунов – сладкогласен и миролюбив.

Костя Зряхов – юноша пухлый, говорит пренебрежительно, с неожиданными оттяжками.

Евстигнейка – личность растрёпанная, с безумными глазами.

Татьяна Зобнина – дама вдовая, дородная, двигается неохотно.

Марья Викторовна – девица бойкая и живая.

Нетрезвый Пассажир.

Старуха с прошением.

Начальник станции.

Быков – сторож.

Жандарм.

Телеграфист.

*Помещение для пассажиров I и II класса на маленькой станции в пяти верстах от заштатного города Верхнего Мямлина. Одна дверь прямо против зрителя, другая – в левом углу. За этой дверью – уборная. Суется **Зобнин**, распаковывая кульки, **Татьяна** и **Костя** расставляют на столе бутылки и закуски.*

Зобнин (озабоченно). Стало быть – помни, Татьян: как только я его введу – сейчас ты встречу ему с подносом...

Татьяна. Слышала уж! Только – долго я не сдержу: тут боле пуда...

Зобнин. Удержишь! Должна удержать, коли тебе браслета обещана! А ты, Кость, валяй поздравление, да поскладней как, да позычнее, он, подика, глуховат.

Костя (пренебрежительно). Ладно, скажем! Видал я их брата... Это

ваши понятия такие, что коли Князь, так уж обязательно – глух али ещё чем страшен.

Зобнин (мечтательно). Эх, кабы удалось! Ловко бы... н-да-а! Кичкина-то обошёл я... он там дома готовится, а я... (Беспокойно.) Ты гляди, Татьян, – сначала можжевеловой ему, да рюмку-то побольше которая...

Костя (с горечью). Эх, культурность! Можжевеловой... князю-то! (Сплёвывает сквозь зубы на пол, сокрушённо качая головой.)

Зобнин (задумчиво). Что ж, – купоросного масла поднести ему, что ли? (Уверенно.) Ничего! Можжевеловая – она сразу непривычного человека ушибёт! Какого ты сословия ни будь, она, брат, всякое упрямство размножит...

Татьяна (вздыхая). Всё, чтобы размножить...

Зобнин. Дурёха! Надо нам, чтобы человек мягок был и ласков с нами, али не надо? Ты – молчи! Ты старайся красивее быть...

Костя (ворчит). Тут, для этого, бургонское али шампанское требуется.

Зобнин (раздражаясь). Отстань, подь в болото! Послушал я тебя, угостил намеренно следователя бургонским этим...

Костя (возмущён). Да кагор это был, говорю я вам, а вовсе не бургонское! Простое церковное вино!

Зобнин (кричит). Врёшь! Оконфузил ты меня! Откуда в церковном таракану быть?

Начальник станции (в дверях). Действуете?

Зобнин. Готовимся. Сколько до поезда?

Начальник станции. Ещё... час тридцать семь. А у жены моей зубы разболелись.

Татьяна. Вы их – парным молоком...

Костя (скорбно). Вот! О, господи... парное молоко!

Начальник станции. С молока меня, извините, тошнит. (Мечтательно.) Нет, против зубов следует употреблять что-нибудь крепкое...

Костя (уверенно). Обязательно! Нагретый коньяк, а то – ром.

Начальник станции (улыбаясь). Коньяк... да-а!

Зобнин (хмуро). Где его достанешь? Мы вот своими средствами... (Вздыхнув, начальник станции притворил дверь.) Понимаю я, чего тебе надобно! Погоди, брат, – всё, что останется, твоё будет...

Татьяна (Косте). Вы мне на хвост наступили...

Костя (галантно). Пардон! Распространяетесь очень!

Зобнин (мечтает). Да-а... кабы удалось! Ты, Татьян, будь развязней.

Ты – вдова, а он – старичок, человек для тебя безвредный... И ты, Костя, тоже...

Костя. Ну, вот, не видал я князей! Их в Москве на каждой улице по трое живёт... Но откуда вам известно, что он глух и старичок, – это уж я не понимаю!

Зобнин (вдумчиво). Да ведь как же? Первое дело – Князь...

Костя. Вы меня не учите, пожалуйста! У меня – свои взгляды...

Татьяна (Косте). Жили вы в Москве две недели, а всё знаете... и сколько князей, и какие трактиры... даже удивительно!

Зобнин. Разговор у тебя ленивый... вроде как у беременной женщины... право! Ты перемени это!

Костя. О, господи! Да не понимаю я, что ли? (Плюёт сквозь зубы.) Человек думает, как лучше, а вы ему голову грызёте... Дайте мне мысли мои обгарнизовать!

Зобнин (оглядываясь). Ну, ну... валяй! Подмести надо. Иди-ка спроси веник у сторожа.

Костя (уходя, ворчит). Веник! Не веник, а половую щётку употребляют.

Татьяна (отряхивая юбку). Уй, как я измазалась...

Зобнин (задумчиво). Вот... двадцать пять годов ему, а умишко детский. Да и все тут, ежели пристально поглядеть... н-да! Вот бы удалось мне Кичкина обойти... молебен бы... О, господи, помоги рабу твоему Мокею! Молись, Татьяна... тут и твоя судьба кружится!

Костя (вбежал и – радостно). Глядите-ка, дядя Мокей!

(В дверь, оттирая Костю и тяжело дыша, входит Кичкин, за ним – Марья и Типунов, с кульками в руках. Зобнин, смущённо посмеиваясь, качает головой сверху вниз, Кичкин смотрит на него и громко сопит. Костя, едва сдерживая смех, делает Типунову какие-то знаки, тот схватил бороду в руку и, закрыв ею рот, подмигивает Косте. Марья, оскалив зубы, смотрит на Татьяну, Татьяна злобно отряхивает юбку.)

Кичкин (Зобнину, хрипло). Упредил?

Зобнин (хихикая). Пронюхал?

Костя (Марье). Бон жур-с!^[1]

Татьяна (шипит). Ты зачем с ней говоришь?

Марья. Теперь вовсе не жур, а суар!^[2] Что, взяли, а?

Кичкин. Эх, Мокей, Мокей...

Зобнин (вздыхнув). Вот как, брат, Иван Иванович... случилось!

Кичкин. Ну и жулик ты, а?

Зобнин. Да и ты тоже... шельма! Как это ты... догадался?

Кичкин. Не дурак я!

(В дверь смотрит, улыбаясь, начальник станции. Зобнин, укоризненно качая головой, грозит ему пальцем.)

Типунов *(быстро)*. Вот что, купцы, – разговорцам тут не место, разговорцы – за дверь! Уж коли так сошлось...

Кичкин *(грузно садится)*. Что уж тут...

Зобнин. Н-да... Костянтин – соображай...

Типунов. Теперь сообща надобно...

Костя. Обязательно!

(Марья вертится по комнате, смотрит в зеркало и всячески мешает Татьяне.)

Татьяна. Что вы толкаетесь?

Марья. Ах, пардон!

Кичкин. Эх, кабы не одышка у меня... я бы тебе, Мокей! *(Показывает кулак.)* Прохвост...

Зобнин *(миролюбиво)*. Али руганью добьёшься чего? Я бы и сам не хуже тебя обругался... да ведь какой толк?

Костя *(мрачно)*. Надобно, дядя, обгарнизоваться...

Типунов. Гарнизоны это называется или как... ну – следует скорее!

(Костя шепчет что-то Марье, она смеётся.)

Татьяна *(Зобнину)*. Братец, – Константин, глядите-ка, шепчется!

Костя *(возмущённо плюнул)*. Ф-фу! Ну и... нравы же!

Зобнин. Цыцте! *(Вздохнув.)* Как же, Иван Иванов?

Типунов. Очень просто! *(Пишет пальцем в воздухе.)*
Лесопромышленная компания Зобнина и Кичкина – боле ничего!

Кичкин. Почему я сзадю? Не желаю...

(Костя, тихонько переругиваясь с Татьяной, делает ей рожи, Марья хихикает, Татьяна почти плачет.)

Зобнин. Не спорь уж! Мне всё равно – пусть на вывеске ты впереди стоишь.

Кичкин. И в купчей...

Зобнин. Ну и в купчей! На!

Кичкин. Во всех бумагах чтобы я впереди стоял!

Зобнин. Во всех! Изволь!

Типунов *(воодушевлённо)*. Вы того не забывайте – какое это дело! Золото! Не токмо на обоих хватит – потомствам даже до седьмого колена останется! Ведь это же какая краюха? Целая местность... весь уезд! Тут ли спорить? Тут ли жадовать? Руби! Пили! Вези! Огребай деньги! Народишко

изголодался, мужику цена – грош...

Зобнин (*вздрагивая*). Н-да... это дело... оно-о!

Кичкин (*мычит*). О, господи!

Типунов (*Кичкину*). Ну, кум, думай!

Зобнин. Иван Иванов, – решайся!

Кичкин (*уныло*). Что же? Я – тово...

Зобнин (*горестно*). Судьба нам такая – чтобы вместе!

Кичкин (*уныло*). Н-да... не наша воля, видно!

Типунов (*весело*). Давайте лапы, эхма! Господи, благослови... на счастье! Сообща... в соединении сил... задувай-давай! Такие эти... как их, Костя?.. гарнизоны двинем...

Костя. Гарнизации, если правильно говорить!

Зобнин. Значит – надо выпить, что ли?

Типунов. Теперь – обсоюзились... Ну-ка, Татьяна Антоновна, в знак будущего!

Кичкин (*держит руку Зобнина и встряхивает, точно пробуя, нельзя ли оторвать*). А я было тово...

Зобнин. Да и я тоже, брат...

Кичкин. Судьба нам, значит, вместе-то...

Зобнин. Против судьбы все мы – дети малые! Тебя начальник известил о приезде?

Кичкин. Он.

Зобнин. Вот, Костянтин, зубы-то! Давеча бы дать ему...

Костя. Чай, он не теперь известил.

Зобнин. Дать бы да и спросить: извещал али нет? Ну – благословясь, выпьем, братья!

Типунов. И – разговорцы под лавку! Надо насчёт встречи обдумать...

Зобнин. У нас – обдумано.

Кичкин. И у нас!

Зобнин. Первое – чару ему с дороги!

Кичкин. Покрепше!

Типунов. Чтобы сразу обмяк!

Зобнин. Можжевеловой ему...

Кичкин. У нас – чайная есть. На чаю настояна...

Типунов. Смешать можно!

Татьяна. А как задóхнется он с этого?

Зобнин. Эко! Пьём же мы, а вот не задохлись!

Типунов. Выдержит! После – поздравить его ласковенько, с возвратом на родное пепелище...

Костя (ловит пальцами гриб на тарелке). Он и подумает, что это насмешка!

Зобнин. Отчего – насмешка?

Костя. Сожгли мужики усадьбу-то или нет?

Кичкин. Ну, конечно, об этом не надо напоминать!

Зобнин. Ай да Костя! Тонко взял!

Костя. Чай, я не дикарь!

Кичкин (Типунову). Вот, Петруха, мастером ты считаешься в речах, а придумал плохо!

Типунов. Ничего!

Зобнин. Стало быть, тебе, Костя, и говорить речь!

Костя (разбираясь в закусках одной и той же вилкой). Мне всё равно...

Кичкин. Первый – кум скажет. Затем и взят.

Зобнин. И Костя для этого.

Кичкин. Нет уж, – первое слово чтобы от нас шло!

Типунов. Мы – оба вместе скажем...

Кичкин (тяжело). Нет, уж ты первый... ты старше!

Зобнин. Говори первый, Типунов! А Костя на загладку пойдёт...
Решили?

Кичкин (подозрительно). Уступчив ты больно...

Зобнин. А ты – боязлив не в меру!

Кичкин. У меня – одышка... Да детей пятеро.

Зобнин. После того – женщин пустим против его...

Типунов (с улыбкой). Для головокружения, значит!

Кичкин. Вот я племянницу взял...

Зобнин. У меня, брат, сестрёнка... тоже очень достойна внимания...

Кичкин. Она у тебя бессловесная... не годится...

Татьяна. Здравствуйте! Это я понимаю как обиду...

Типунов. Никакой обиды! Ну только, как Маша по-французскому может...

Марья. Пожалуйста... я могу уйти... у меня интересов нет...

Кичкин. Я те уйду!

Типунов. Теперь – вопросец: где он остановится, у кого?

Костя. У нас приготовлено ему.

Кичкин. У нас тоже... не суйся!

Зобнин (наливая водку). Погодите! Остановится он – это мне известно – у себя в усадьбе, ведь флигель-то цел!

Кичкин. Цел! А ты у себя на что приготовил?

Зобнин. А ты?

Кичкин. Я! Мало ли что... Мой-от отец у них, у князей, бурмистром ходил.

Костя (Марье). Каковы люди?

Татьяна. Очень даже хороши, и напрасно ты к ней подлизываешься...
(*Марье.*) И вовсе князю не интересен наш язык этот!

Марья. А что же ему интересно?

Татьяна. Да уж не язык, извините!

Марья. А что же? Пожалуйста, скажите!

Татьяна. Да уж...

Зобнин. Цыц, Татьяна!

Костя (горестно). Вот какие картины культурных нравов...

Марья. Вуй! Кэ сэ трист!^[3]

(*Типунов смотрит на неё с недоумением и отходит прочь, шевеля губами. Костя наливает себе какой-то зелёной жидкости и пьёт.*)

Татьяна (тихо). Слова! Сама, чай, выдумала...

Быков (входит). Мокей Антоныч!

Зобнин. Ась?

Быков. Евстигнейка просится до вас.

Типунов. Этот – с машинкой своей...

Кичкин. До него ли? Гони!

Зобнин. А может, допустить его? Вот, мол, ваше сиятельство, есть у нас изобретающий человек...

Костя (иронически). Очень это интересно столичному жителю!

Типунов. А если для смеха выпустить его?

Костя. Тогда бы лучше лесникову собаку взять – она смешнее!

Зобнин (испуган). Это... это ты зачем же все бутылки почал?

Кичкин (в стороне – Марье). Ты, гляди, не уступай ей, слышь?
Держись вперёд... ближе к нему...

Марья. Знаю уж!

Кичкин. То-то...

Костя (жуёт). Для возбуждения мозга – надо мне или нет? Странно!

Быков. Стало быть – Евстигнейку гнать?

Типунов. Гони, дружок, гони его!

Быков. Там ещё старуха...

Кичкин. Какая?

Быков. С прошением, что ли то...

Зобнин (тревожно). На кого прошение?

Кичкин (радостно). На тебя, поди-ка!

Зобнин. Ну господи же! Даже взопреешь от этого! Гони ты всех, Быков!

Костя. Хоть на час какой спрячьте вы куда-нибудь всю эту дикость... стариков, слесарей, старух...

(Кичкин осторожно подвигается к двери, Зобнин следит за ним, беспокойно потряхивая головой.)

Зобнин. Стало быть, Марья Викторовна, вы его займёте...

Типунов. Ты, крестница, так и знай: мы тебя всегда для приёма знатных лиц будем употреблять...

Татьяна. А меня на что выволокли?

Зобнин. А ты... ты в глаза ему гляди!

Татьяна. Собака я, что ли?

(Кичкин вышел; Зобнин, стоя у двери, следит за ним в щель, потом уходит.)

Типунов *(ласково)*. Вы его улыбочками, улыбочками! Да пошире эдак, поласковей – вот вам и должность!

Татьяна *(сдаётся)*. Он и примет меня за дуру.

Костя *(успокоительно)*. Молчать будете – не примет.

Татьяна *(ядовито)*. Глядите однако, в Семилужном у градского головы жена эдак-то принимала, принимала гостей да однажды негритёнка и родила...

Марья *(возмущённо)*. Фи, как вам не стыдно! И вовсе не негритёнка, а просто пёстренький он родился...

Татьяна. Не всё ли равно?

Марья. И одна ножка – короче!

Типунов *(беспокойно)*. Это куда же воеводы ушли? Поругаются они... Костя – идём-ка...

Костя *(икнул)*. Ох... ну, жизнь! *(Уходит.)*

Марья *(озабоченно шепчет)*. Ву зэт тре земабль. Жэм боку льом дезарм. Же суюи тре контан... [4]

Татьяна. Нисколько это вам не поможет.

Марья. Почему же? Объясните, силь ву плэ, пожалуйста!

Татьяна. Женат он.

Марья. Какие глупые пошлости!

Татьяна. Нечего предо мной форсить! Вы сами иностранные-то слова выдумываете! А вот у кого колечко ваше с рубинчиком – это я знаю! Да-с!

Марья. И я знаю. Ну-с?

Татьяна. И больше ничего-с!

Марья. И – глупо-с!

Татьяна. Как же ты смеешь? Ведь я тебя старше!

Марья. А вы про колечко смеете?

Татьяна. Так я же тебе и ещё скажу...

Марья. А вы кого «шишечкой» зовёте?

Татьяна (села). Я? Ой!..

Марья. Ага! А вы кому пишете – «сладкий мой Колик»?

Татьяна (поражена). Ай... Ах он... мерза-авец...

Марья. Что? Вот и прикусите язычок!

Татьяна. Неужто... он рассказывает? Неужто сам он?

Марья. Не он, так – вы!

Татьяна (растерянно). Ой, как же это? Разве я рассказала бы? Что вы! Кому мне рассказывать?

Марья. Ну, уж я не знаю!

Татьяна. Да, может, вы... врёте?

Марья. Вы не писали?

Татьяна (тихо). А может, вы... сами догадались?

(Марья хохочет. В дверь беспорядочно втискиваются мужчины: Кичкин, подняв руку с прошением вверх; Зобнин, стараясь поймать бумагу; Типунов и Костя тоже хотят этого и – мешают друг другу. За ними испуганная, оробевшая старуха и – таращит глаза Евстигнейка.)

Кичкин (задыхаясь). Нет, читай вслух!

Зобнин. Чудак... да я же прочитаю!

Типунов. погоди, Костя...

Старуха (нует). Ой, голубчики, разорвёте вы...

Зобнин. Костя – прочитай...

Кичкин. Кум – бери...

Зобнин. Тарасьевна, дура! На кого прошение?

Кичкин. Ага-а? На кого-о?

Старуха. По случаю... пропажи, батюшка... зятёк-от мой...

Типунов. Костя – да ты, давай, вместе читаем!

Кичкин. Кум – держи!

Зобнин. Чёрт тебя принёс, старая лошадь...

Костя. Да будет вам! Что такое?

Старуха. Батюшки – не порвите!

(Все тесно окружили чтецов. Евстигнейка осторожно пробирается вдоль стены и – никем не замеченный – исчезает в уборной.)

Типунов (читает). «Его сиятельству, светлейшему»...

Костя. «Покровителю сырых»... это не надо! «Имею честь известить...»

Зобнин. Да вы один который-нибудь...

Типунов (*читает*). «Зять мой, Кирилл Вараксин, вот уже четыре года находится в безвестном отлучении от жены, дочери моей...»

Костя (*успокоительно*). Это пустяки какие-то!

Типунов (*читает*). «И жизни своей, может быть, решил...» Это не касается Мокей Антоныча!

Кичкин. До конца – не касается? Верно?

Типунов. До конца! Тут – о пропаже зятя.

Кичкин (*ворчит*). А может, Мокей прикосновенен и к этой пропаже?

Зобнин (*радостно*). Что же ты, старушка, а? Как же ты это, а?

Старуха. Да ведь, батюшка ты мой, дочка теперь не то вдова, не то – замужняя... как это понимать?

Кичкин (*Типунову*). А я думал – на него прошение, на Мокея! Обрадовался было...

Типунов. А ты – погоди! Ты – потерпи!

Зобнин (*старухе*). На тебе гривенничек и – иди с богом! Иди спокойно!

Старуха. Может – он разрешил бы ей?

Зобнин. Теперь – мне некогда! Потом – я те разрешу... иди себе...

Старуха. Уж ты ей-то разреши...

Зобнин. И ей разрешу... Вино и елей... Ух! Ну, Иван Иванов, подозрительный ты человек!

Кичкин. Да ведь ты вон как... забегаешь!

Зобнин. А ты – давай будем верить друг другу, право! Пусть кто другой ямы нам копает... Ты – простодушней будь! Жизни тебе не больно много осталось...

Кичкин. Это – верно. Выпьем давай, что ли? Леший...

Костя (*Марье*). Ф-фу! Я даже вспотел!

Марья. Же сюи осси тре фатигэ... пардон!^[5] Я тоже устала... волнуясь до костей!

Костя. У нас с вами, можно сказать, первые роли... (*Вонзает вилку поочерёдно в гриб, сардину и селёдку.*)

Зобнин. Экой ты, братец мой, варвар! Всё расковырял, разварзал! Татьяна, ты чего глядишь?

Татьяна. Не понимаю даже, зачем меня привезли!

Зобнин (*угрожая*). Забудь-ка! Я те дома напомню!

Кичкин. Всё перебуторено на тарелках-то! Кум, надо бы и нашу провизию выложить.

Типунов. Хватит с него!

Татьяна. Что же ваше-то лучше нашего?

Начальник станции *(в двери)*. Сейчас даю звонок к поезду, – как у вас дела?

(Общая суета. Костя залпом пьёт три рюмки.)

Зобнин. Татьяна – бери поднос! Оправься! Губы-то подбери... Ишь, развесила, словно флаги!

Кичкин. Марья – готовься! Кум, гляди! Господи, благослови...

Начальник станции. А... позвольте! Вдруг я выговор получу за устройство этого буфета?

Зобнин. Друг – не скучай! Всё получишь, как договорено!

Начальник станции. Насорили... бумажки, солома... плевки! Эх, господа!

Костя *(критически)*. Действительно – хламу много! Любит русский человек сделать что-нибудь неприличное.

Марья. Ах, это святая правда!

Начальник станции *(кричит)*. Быков! Подмети классную!

Зобнин *(берёт Кичкина за руку)*. Ну, идём, благословясь!

Татьяна *(миролюбиво Марье)*. Очень это верно насчёт неприличия! Ехала я в губернию намеренно – так господин какой-то, который надо мною поместился, носок мне на голову спустил...

Марья *(подвигаясь к выходу)*. Скажите, какое безобразие!

Татьяна. Я говорю: «Что это вы делаете?» А он: «Ведь голову я вам не прошиб», говорит...

Марья. Бесстыдник!

Татьяна. И носок-то с дыркой был...

Марья *(с гримасой)*. Фи, гадость...

Татьяна. С дыркой! Неженатый, видно, пассажир-то...

(Ушли. Входит Быков со щёткой, притворил дверь и осторожно подходит к столу. Улыбаясь, качает головой, потом, взяв бутылку, пьёт из горлышка – у него занялось дыхание и выкатились глаза.)

Быков. Ух... *(Пьёт из другой бутылки и снова ошеломлён.)* Н-ну... это на совесть!..

(Дверь из уборной приотворяется, выглядывает Евстигнейка. Быков, закрыв глаза, широко улыбается.)

Евстигнейка *(хрипло)*. Скажу!

Быков *(испугался и опрокинул рюмку с наливкой в тарелку с грибами)*. Ты? Это ты как же, а?

Евстигнейка. Скажу!

Быков. Кто тебе разрешил тут, а?

Евстигнейка. Поднеси, а то – скажу!

Быков (*храбро*). Я те поднесу! Пошёл вон!

Евстигнейка (*выходя*). Не гони! Всё равно – окошко разобью, а влезу!
Я решился на всё! Я такой случай не могу пропустить...

Быков (*смягчаясь*). Ах ты... когда это ты залез, а?

Евстигнейка. Поднеси, говорю! Мне для храбрости надобно...

Быков. А если я тебя... по шее? Или жандара призову?

Евстигнейка (*неуклонно*). Бил ты меня, и жандар бил, это – без толку!
Я своего достигну – окошко разобью! Как этот Князь войдёт, я сейчас башкой в окошко и на колени перед ним...

Быков. Ну характер у тебя, шельма! (*Подает ему бутылку.*) На, да гляди – немного лакай...

(*Евстигнейка выпил, задохнулся и трёт себе грудь и горло.*)

Быков (*гордо*). Что? Хватил? То-то! Это, брат, не для шуток сделано...
Ну – теперь уходи!

Евстигнейка. Митрий – ты меня оставь тут!

Быков (*его уже тронуло*). Нельзя-а! Вдруг ты его испугаешь? Мне отвечать!

Евстигнейка. Не бойся, я – тихо! Я, брат, не подведу!

Быков. Ах, господи! Ну, как быть? (*Решительно.*) Полбутылки – ставишь?

Евстигнейка. Бутылку!

Быков. Врёшь?

Евстигнейка. Гром убей!

Быков. В воскресенье?

Евстигнейка. Как в аптеке!

Быков. Ну – сиди! Я, брат, тоже не без души живу! Я понимаю, – всякому хочется переменить жизнь... эх! (*Поезд подходит.*) О, пострели те горой... вот те... эх ты... (*Убежал, бросив щётку на пол. Евстигнейка быстро и ловко глотает вино из рюмок, приготовленных на подносе, потом, обожжённый, прячется в уборную. Типунов открывает дверь, пятясь задом, входит Зобнин, на него наступает Бубенгоф, рядом с ним, растерянно улыбаясь, идёт Князь – он, видимо, удивлён и польщён встречей. Сзади на него наваливаются Кичкин, Костя; обе женщины, стараясь пройти вперёд, толкают их. За ними следует пассажир навеселе, начальник станции, телеграфист, жандарм, старуха с прошением и какие-то мужики.*)

Зобнин (*поёт*). Просим покорнейше... в радостях приезда... из глубины душ... Татьяна, что же ты?!

Костя (Зобнину). Позвольте, ведь я говорю!

Татьяна (у стола). Батюшки! Кто это вылакал? Машенька... наливайте скорей...

Кичкин (Бубенгофу). Врёт он... жулик он...

Бубенгоф (брезгливо). Што-о такой?

Князь. Это очень... очень по-русски... Не ожидал, право... весьма тронут...

Зобнин (в тихом восторге). Просим, ваше сиясь – хлеб-солью! (Шепчет в отчаянии.) Татьяна же, изверг! Зарезала! По стародавнему обычаю... от греков, ваше сиясь... (Запнулся через щётку, пошатнувшись, опустился на стул, сконфуженно поднял щётку.) Щёточку забыли... дьяволы...

Князь. Вот оно, Бубенгоф, русское гостеприимство, видите? Так простодушно, по-детски...

Бубенгоф (ворчит). Ню... Ню... они наступают сапогом на пальцы ногам мне... И тут есть крепкий запах...

(Татьяна и Марья встают перед князем с подносом, сзади них – Типунов и Костя; слева от этой группы Кичкин стремится что-то рассказать Бубенгофу, справа подпрыгивает Зобнин, в нетерпении потирая руки. Пассажир, сладко улыбаясь, ходит вокруг стола, в дверях – начальник станции и другие.)

Костя (слишком громко). В-ваше сиятельство...

Князь (отодвигаясь). О...

Зобнин (тихонько). Не ори, балда!

Татьяна (Марье). А говорили – глухой!

Кичкин (тревожно). Кум! Ты чего молчишь? Говори!

Костя. Мы все тут собрались, ваше сиятельство, простые русские люди этого края... и чувствуем честь посещения вашего палестины древней... где ваши знаменитые потомки...

Типунов (шепчет). Что ты? Предки, предки...

Костя. И предки истощились в трудах среди невежественного народа, который ничего не понимает доброго и... любит дикое безобразие... и не снабжён никакой культурой, кроме древних дворянских родов... которые в трудах на пользу отечества от младенчества до гроба остаются всё такими же, тогда как другие... (Постепенно запутываясь в словах, он говорит всё тише. Евстигнейка приотворяет дверь, ожидая удобного момента, и, закрывая, хлопнул ею. Кичкин, услышав этот звук, оглянулся, поглядел на дверь и считает публику.)

Пассажир (Типунову). Вы – буфетчик?

Типунов *(вежливо)*. Извините... нисколько!

Пассажир *(задумчиво)*. Странно!

Костя *(снова поднимая голос)*. И вот, мы, простые люди захолюстят... предлагаем вашему сиятельству выпить за... за ваше драгоценное здоровье! Ура!

(Все кричат ура.)

Князь. Очень благодарен! Это – неожиданно, я не думал, что мой род пользуется... но я знал, что простой русский человек – это чистая, детская душа...

Кичкин *(наблюдая за дверью)*. Простой-от? Мужик-от? Ну уж нет... Он – ого-о! Он...

Типунов. Верно, ваше сиятельство! Необыкновенно даже просты мы... до седых волос – дети ваши!

Зобнин. Выкушайте, ваше сиясь... это местная, наша...

Князь. Да? С наслаждением... *(Пьёт сразу. Изумлённо открыл рот и смотрит на всех, часто мигая глазами.)*

(Все смотрят на него, радостно улыбаясь. Бубенгоф взял рюмку, понюхал, выпил и – смотрит в потолок. Костя, утомлённый речью, отошёл к столу и там тоже выпивает. Марья – около него что-то говорит, гримасничая.)

Пассажир *(Татьяне)*. Прекрасная буфетчица, позвольте и мне...

Татьяна. Вовсе я не буфетчица!

Пассажир *(берёт рюмку)*. Всё равно!

Марья *(любезно)*. Вы – в свите князя?

Пассажир. Я? Нет! Я просто люблю в дороге выпить...

Князь *(слабо)*. Это... из чего... сделано?

Зобнин. Можжевельник! На чистом спирте настояна! Вы – грибочком её погладьте! Она требует сопровождения маринованным грибом-с!

Кичкин *(Типунову, тихо, указывая на дверь уборной)*. Кум! Там кто-то есть...

Типунов. А ты следи за делом-то! *(Быстро распаковывает кулёк.)*

Князь. Вот этим грибом?

Зобнин. Самым этим!

Князь *(взял гриб в рот и – жалобно)*. Тоже... на спирте?

Татьяна. В уксусе отварены... пожалуйста, возьмите ещё!

Князь. Благодарю... довольно! Вот, Бубенгоф, попробуйте... это удивительно!

(Бубенгоф взял гриб в рот и ходит по комнате, глядя на всех со строгим удивлением. Вышел за дверь, тотчас воротился и внимательно

рассматривает закуски.)

Князь (осторожно). Вы... часто употребляете это?

Зобнин. При досуге – позволяем себе...

Татьяна. По праздникам!

Марья. Ах, ваше сиятельство, они ужасно много пьют... просто как лошади!

Князь. Да?

Кичкин (строго). Ты знаешь сколько – много-то?

Типунов (суёт в руки Марье бутылку и рюмку). Вот, ваше сиятельство, тоже замечательный напиток! На чае и берёзовых почках. Вам который есть князь русский, надобно знать все продукты места, и – позвольте ещё раз за ваше светлое здоровье...

(Марья, улыбаясь, подаёт ему рюмку, князь – беспомощно оглядывается, что-то говорит Бубенгофу, тот кивает головой. Все взяли рюмки)

Князь. Когда такие милые ручки... я не смею отказаться... хотя это крепко...

Костя. В крепости и сила, ваше сиятельство! Взять, примерно, Порт-Артур: сколько около него врага погибло... Ура!

(Кричат ура. Бубенгоф выпил раньше всех и мотает головой. Князь, поклонившись дамам, выпил, наклонил голову и отошёл к окну. Все за ним наблюдают.)

Бубенгоф. Этот напиток есть очень опасен для жизнь...

Пассажир (Татьяне). Превосходный буфет у вас, королева!

Татьяна. Кушайте, если вы с князем! Но только это не буфет...

Пассажир (удручен). Нет? Странно... Что же это?

Татьяна. Приём! Разве вы не понимаете?..

Пассажир (наливая водки). Чрезвычайно странно... (Выпив, он смотрит на часы и – хохочет. Идёт к двери, пошатываясь, и исчезает за нею.)

Марья (Косте). Ой, нехорошо ему...

Зобнин (робко). Ваше сиятельство...

Князь (живо обернулся). Нет, больше я не могу... Я вот... смотрю... какой широкий горизонт у вас...

Зобнин (находчиво). Стараемся, ваше сиясь!..

Князь (решительно). Бубенгоф... Нам надо торопиться!

Бубенгоф (Кичкину). У вас имеет лёшад?

Кичкин. Лошади? Пять у меня их...

Бубенгоф. Вы везёте мой и этот князь?

Кичкин. Кум! Чего он говорит?

Князь (заметно оживился, Марье). Вам не скучно здесь, а?

Марья (растерялась от неожиданности). О, но! Же сюи...^[6] очень довольна... жэм боку ля натюр...^[7] тишину е ле флер...^[8] (Окончательно смутилась, сделала реверанс. Костя укоризненно качает головой. Зобнин радостно шепчет что-то Косте, Татьяна – довольна, хихикает.)

Кичкин (мрачно). Она в гимназии пять лет училась.

Бубенгоф (усмехаясь, говорит Типунову, постукивая себя по лбу пальцем). У этот шеловек очень много нет мозги...

Типунов (ласково). Нам, господин, много-то мозгов и не требуется... мы от избытков своих всем с нищими делимся...

(Евстигнейка всё чаще приотворяет дверь уборной. Это заметила Татьяна; сначала смутилась, но потом, узнав Евстигнейку, устроила себе развлечение: как только он приоткроет дверь, она открывает рот, точно собирается крикнуть. Евстигнейка – испуганно прячется, Татьяна – хихикает.)

Князь (смущённо Зобнину). А как вы... как, например, у вас ископаемое богатство?

(Все подозрительно смотрят друг на друга.)

Зобнин (находчиво). Да что ж, ваше сиятельство, копаемся, конечно, понемножку...

Типунов. Люди мы – заштатные, силы у нас – невеликие...

Марья. Ах, это не то! Ископаемое – это что в земле лежит...

Кичкин (сурово). А ты – молчи! В земле! В земле-то покойники лежат! (Решительно.) Вот что, ваше сиятельство, давайте говорить попросту...

Зобнин (торопливо). Вот, ваше сиятельство, я, стало быть, желаю...

Кичкин. И я...

Типунов. Мы имеем к вам дельце...

Князь (теряется). Очень рад... очень! Бубенгоф, – что же лошади?

Бубенгоф (пожимая плечами). Здесь нет лёшади... это совсем другой звери... я – не понимают никому...

Кичкин. Кум! Говори, чёрт, подробно!

Зобнин (князю, ласково). Лошадки вам у меня готовы, и помещение – готово, пожалуйста!

Кичкин (свирепо). Как это?

Князь. Благодарю вас...

Костя (отталкивая Кичкина). Пожалуйста, ваше сиятельство! У нас всё

готово!

Кичкин (*орёт*). Угарно у него! У него в третьем году тёща от угара умерла, коли он её подушкой не задушил...

Костя (*плюёт*). Ну, прорвало! Эх вы, дикарь...

Князь (*испуганно, Марье*). Mademoiselle... объясните мне...

Марья. Ах, авек плэзир...^[9]

Кичкин (*кричит*). Они – тёмные люди...

Зобнин (*Типунову*). Уйми ты его...

Типунов. Вот я сейчас...

Костя (*князю*). Вот видите, среди каких лиц проходят молодые дни юности! (*Берёт его под руку*.) Пожалуйста на лошадей...

Кичкин (*хватая Костю*). Кум! Гляди...

Типунов. Позвольте, не спешите! Ваше сиятельство! Позвольте вам объяснить причину ожесточения...

Князь (*жалобно*). Я – очень хочу понять! Пожалуйста! И, если можно... мне пора ехать...

Типунов. Вот наша речь: мы трое, здешние люди торгового сословия, желаем снять ваш лес, – вот мы все здесь – Мокей Зобнин, Иван Кичкин и я, Пётр Типунов...

Бубенгоф (*изумлён*). Што-о такой?

Зобнин (*тихо*). Трое? Ай да Петруха, а? Костя, а?

Кичкин (*бормочет*). Господи Иисусе! Кум... и ты? Ах, собака!

Типунов (*захлёбываясь*). Мы весь лес ваш можем взять... мы весь его... мы бы, знаете...

Кичкин. Ну пёс! Эх, люди...

Костя (*Бубенгофу*). Вот – видите...

Бубенгоф (*красный, надутый*). Не хочу... не вижу! (*Отходит в угол, сердито фыркая*.)

Князь (*увещевая*). Послушайте, господа... Бубенгоф, что же вы? Объясните вы им, я совершенно потерялся... Послушайте, господа! Но лес, весь мой лес – запродан мной...

Кичкин. К-как же?... Кому же?..

Зобнин. Запродан?

Типунов. Верно это, господин немец?

Бубенгоф (*хлопая себя по боку*). О, это – здесь! Лес? Нет – лес! Это – мой... который купил лес, это я! Всю его купил! Фертиг!^[10] Понимайт?

(*Все убито смотрят на него и на князя. Молчание.*)

Марья (*тихо Косте*). Ой, какие все вдруг глупые стали...

Костя (ворчит). Вот те и обгарнизовали промышленность туземного края!

Типунов. Э... из-за чего же мы старались?

Бубенгоф. Нью... кончилось? Кто имеют лёшади? (Зобнину.) Ви это?

Зобнин (уныло). А я на чём домой поеду?

Кичкин. Вот, Мокей... а?

Типунов. Да-а... как же это? Ничего не слышать было...

(Все трое сошлись и совещаются о чём-то. Князь тихо разговаривает с Марьей. Костя старается подслушать. Татьяна увлечена игрой с Евстигнейкой.)

Пассажир (входит, очень обрадован, Бубенгофу). Вы... мейн герр, что ли? Шпрехен зи дейч?^[11]

Бубенгоф (гордо). Jawohl! Natürlich!^[12]

Пассажир (тыкая его пальцем в живот). Пруссия! Уважаю! А поезд мой – ушёл! Хотел я записать об этом в жалобную книгу, да у жены начальника станции зубы болят... жалко его!

Бубенгоф. Што ви хочет от мене?

Пассажир (удивлённо). Второй раз, брат, не попадаю я в поезд! А ехать мне ещё вёрст триста... каково, а?

Бубенгоф. Но што ви желайт?..

Пассажир. Выпить желаю... Идём нах буфет! (Бубенгоф идёт охотно.) Да познакомь меня с этим... князь он, что ли...

Бубенгоф (наливая водки). О нет...

Пассажир. От... почему? (Пьёт.)

Татьяна (смеётся). Ой, господи...

Пассажир. Прекрасная буфетчица – отпочему вы смеётесь?

Татьяна. Да нет же такого слова!

Пассажир. Отпочему нет? Выпьемте, дорогая, за здоровье моей тётки, ей-богу... Умирает она... а я еду к ней... я – наследник! Ура!

Татьяна. Ну какой же вы смешной...

(Дверь из уборной широко распахнулась – вылетел Евстигнейка, упал перед князем на колени. Князь отскочил, Марья взвизгнула, Татьяна хохочет. Бубенгоф схватил Евстигнейку за плечи, все остальные – удивлены, но охвачены любопытством, ожидают скандала. Пассажир садится рядом с Татьяной, приветливо улыбаясь ей, и тоже начинает смеяться пьяным смехом.)

Бубенгоф. Што такой, эй...

Евстигнейка (бьётся). Подь ты к чёрту, рыжий! Ваше сиятельство,

дозвольте отечеству пользу принести! Семь годов работал, разорился...

Князь. Что с вами? Кто вы?

Евстигнейка. Тутошний слесарь... все знают... всеми осмеян... для пользы родины, ей-богу! Даром отдам, только бы работала она...

Князь. Кто-о? *(Ко всем.)* Господа – что это? Что за человек?

Костя *(передёрнув плечами)*. Просто – машину выдумал...

Пассажир *(засыпает)*. Сосед... разбудите меня...

Евстигнейка. Ваше сиятельство! Перепетум соорстил я...

Бубенгоф. Што он говорит?

Типунов. Не знаю! Это немцы всё знают, а мы... куда нам!

Евстигнейка *(со слезами)*. Перепетум, барин, ей-богу! Вся надежда на вас... последняя!.. А то – пропал я! Очень уж просто: вроде станка она, в каком лошадей куют...

Князь. Что ему нужно?

Кичкин *(угрюмо)*. Вот и догадайся...

Евстигнейка *(воодушевлённо)*. А в серёдке – колесо с ковшами, вроде мельничного. Ежели теперь наверху станка поставить человека, чтобы он в ковши эти гири али булыжники бросал, – колесо вертится, ей-богу! Без останову будет вертеться, весь век, только тяжести давай ему...

Бубенгоф *(догадался)*. О, это перпетуум... ф-фа! *(Хохочет.)* Перпетуум!

Князь *(расстроен)*. Нет, я не могу... я – извиняюсь... Я пойду просить... тут должны быть лошади!

Бубенгоф *(Кичкину)*. Где ваши лёшади?

Кичкин *(усмехаясь)*. А тебе на что? Ты конокрад али кто?

Бубенгоф. Ми... нужно ехать!

Типунов *(вежливо)*. С богом! Мы середь дороги вашей не стоим!

Бубенгоф *(Зобнину)*. Лёшади?

Зобнин. Костя, чего он ко мне лезет?

Князь *(ко всем)*. Господа... вы, кажется, обиделись... но лес запродан давно уже... Слушайте, Бубенгоф... надо спросить начальника станции... он устроит лошадей... *(Идёт к двери, прикрываясь Бубенгофом, и бормочет.)* Я очень благодарен за честь... ваше простодушие... до свиданья...

Марья *(Татьяне)*. Фи, какой невежа! *(Татьяна расспрашивает её о чём-то.)*

Евстигнейка *(вставая на ноги)*. Что же, понял он али нет?

Типунов. Поймут они, дожидайся!

Зобнин. Больно нужны мы им!

Евстигнейка (бросаясь к двери). Эх, пойду я...

Костя (хватая его). К-куда?

Евстигнейка. Он не понял... пусти!

Костя. Хошь – поднесу?

Евстигнейка (отчаянно). Давай... для храбрости! Пропало моё дело!
(Костя поит его из всех бутылок по очереди.)

Зобнин. Что, брат, Иван Иванович?

Кичкин. Н-да-а! Ведь вот, глядите-ка, человек эдакой обходительный, ласковый... а продать – успел!

Типунов. Продавать они наводстрились!

Зобнин. Пропали все наши труды... (Выглядывая за дверь.) Старуха его сцапала-таки...

Кичкин. Мастера они продавать...

(Все, грустно вздыхая, молчат. Костя занят с Евстигнейкой, в углу храпит пассажир.)

Марья (вполголоса). Я даже думаю, что он не понимает французского языка...

Татьяна. Видит – дама стоит пред ним с подносом, руки у неё дрожат, и хоть бы спасибо сказал...

Марья. Очень невежлив с женщинами...

Татьяна. Другой бы... (Шепчет.)

Марья. Конечно!

Типунов. Эх, братья! Выпьем, что ли?

Зобнин. Не домой же везти всю эту провизию... Татьяна, наливай-ка!

Татьяна (Зобнину). А он вовсе не глухой...

Кичкин. Какое нам от этого удовольствие?

Типунов (указывая на пассажира). Вот ещё горемыка...

Зобнин. Он чего тут?

Типунов. От поезда остался!

(Все пьют.)

Костя. Разбудить надо этого...

Евстигнейка (пьяный). Уши ему тереть надо... дайте я его сейчас...

Зобнин. Он и так воспрянет... Костя, поднеси ему к носу рюмку!

Костя (поднося). Путешествующий! Москва близко!

Типунов (толкнул Костю под локоть). Эко!

(Костя облил пассажира вином – все хохочут.)

Кичкин (добродушно). Вот, Мокей, спорили мы с тобой, спорили...

Зобнин (так же). А ничего и не вышло... Прямо сказать – зря мешали друг другу!

Кичкин. Уж больно ты ловок!

Зобнин. А ты – жаден! И отчего ты так жаден?

Кичкин. Али заметно?

Зобнин. Страсть! Прямо – зверь... А куда тебе? Помрёшь скоро...

Кичкин. Это верно! Жить мне мало осталось... Так это я, по привычке...

Зобнин. Ну, давай, ещё хватим!

Кичкин. Да и тебе хочется помешать... уж больно ты ловок... забегает больно...

(В углу занимаются с пассажиром.)

Типунов *(озабоченно)*. Нет ли табаку нюхального где? Табаку бы ему в нос насыпать...

Костя. Стой... Проснулся...

Пассажир *(испуганно)*. Какая... какая станция?

Типунов. Та же!

(Дамы смеются. Костя делает страшное лицо, наклоняясь к пассажиру.)

Пассажир. Позволь... опять вы?

(Все хохочут.)

Татьяна. Ой, умру... ах!

Марья *(смеясь)*. Что это, право... точно маленькие...

Зобнин. Костянтин! Зови начальника и всех желающих... одним нам не допить всё это... эвона сколько тут! Эхма, братья, не везёт нам, не за нас судьба...

Занавес

notes

Примечания

1

добрый день (*франц.*) – Ред.

вечер (*франц.*) – Ред.

Да! Как это грустно! (*искаж. франц.*) – Ред.

Вы очень любезны. Я очень люблю военных. Я очень довольна
(искаж. франц.) – Ред.

Я тоже очень устала... извините! (*франц.*) – Ред.

Я... (франц.) – Ред.

я очень люблю природу... (*франц.*) – Ред.

и цветы... (франц.) – Ред.

с удовольствием, (*франц.*) – Ред.

ГОТОВО (*нем.*) – Ред.

Говорите ли вы по-немецки? (нем.) – Ред.

Ну конечно! Разумеется! (нем.) – Ред.